

ЛЮДМИЛА
ПЕТРУШЕВСКАЯ

ЛЮДМИЛА
ПЕТРУШЕВСКАЯ

ВОЛШЕБНЫЕ
ИСТОРИИ
•
ЗАВЕЩАНИЕ
СТАРОГО МОНАХА

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ1

Издание осуществлено при содействии
литературного агентства Banke, Goumen & Smirnova

Художественное оформление *Алексея Дурасова*

В оформлении переплета использована
репродукция картины *Александры Шадринной*

Петрушевская, Людмила Стефановна.

ПЗ1 Волшебные истории. Завещание старого монаха :
[сборник] / Людмила Петрушевская. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-090912-4

Людмилу Петрушевскую иногда называют новым Андерсеном. Может быть, потому, что ее сказки не совсем детские, они скорее для старших, много повидавших на своем веку людей. Именно для них эта книга, для тех, кто любит фантастические и волшебные повороты жизни — и кто поймет, как достается победа над судьбой, если вечером тебе было семьдесят, а утром стало тринадцать, и тебе надо ходить в школу, и хочется есть, а ни мамы, ни папы нет, да и как получать теперь пенсию?.. И что делать, если ты можешь защитить весь мир от нашествия со злой планеты, а тебе всего пять лет? И как быть, если ты никто, мир тебя не принимает, над тобой издеваются и вдруг в твоих руках судьба еще более беззащитного существа? И когда ты начнешь ему помогать, его спасешь — ты обязательно вырастешь в собственных глазах. А это самое важное.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Петрушевская Л., текст, 2018
© Шадрина А., иллюстрация, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-090912-4

ЗАВЕЩАНИЕ СТАРОГО МОНАХА

Как-то старый монах пробирался с коробкой собранных мелких денег домой, в горный монастырь.

В монастыре, удаленном от всех дорог, дела шли плохо. Воду приходилось брать в речке глубоко в ущелье, пища состояла из огрызков хлеба и сухих лепешек, собранных в виде подаяния в окрестных скупых и безбожных деревушках, и поэтому монахи запасали в лесах дикие плоды и орехи, ягоды и травы, а также искали мед и грибы.

В этой местности для монахов напрасным трудом было бы возделывать огород, обязательно находился кто-либо, кто приходил ночью с лопатой и тележкой на уже созревший урожай, — такие были нравы.

Крестьяне поэтому свирепо относились к чужакам и прохожим попрошайкам (к соседям тоже), охраняли свои грядки под ружьем, сторожили семьями, да и потом старались прикопать овощи в подвалах.

ЗАВЕЩАНИЕ СТАРОГО МОНАХА

Бедняцкий монастырь, стоявший без охраны в глухом лесу, то и дело навещали, окрестным парням нужны были деньги на выпивку, и в конце концов монахи стали обходиться совсем небольшим — жестяные консервные банки для кипятка, кучка соломы, на чем спать, рогожи, чем прикрываться, а мед и ягоды и прочую лесную добычу они прятали там же, в лесу, в дуплах, на манер белок.

Топили они хворостом, поскольку даже топор и пилу у них отобрали.

Собственно, у монахов и устав был такой — трудиться только на ниве Божией, только для Него, и обходиться тем же, чем обходятся мелкие нехищные существа.

Ни рыбу, ни мясо они поэтому не ели и прославляли каждый день такой жизни.

Но им нужны были мелкие деньги на свечи, на масло для самодельных жестяных лампад, на ремонт крыши, скажем, или иногда надо было помочь совсем уже несчастным беднякам купить, к примеру, лекарство.

Чтобы иконы не крали, монахи расписали свой храм по мокрой штукатурке, расписали столь дивно, что были попытки вырубить эти росписи, но напрасен оказался такой зверский труд — для него нужны были музейные навыки, любовь к труду, осторожность: а когда же бандит бывает трудолюбив?

Зимой начиналась стужа, хворосту не хватало, а ломать живые ветки обитатели монастыря не хотели. Но голод и холод для монаха не беда,

а благо, и маленький монастырь в зимние месяцы к тому же отдыхал от воров.

Кто же потащится сквозь снега в гору, в обледеневший храм — хотя каждое утро монахи звонили, не в колокол, его у них сволокли и продали как цветной металлолом, а в железную балку.

Она была старинная, на ней и висел раньше колокол, и местные трудяги-ворюги как ни махали киркой, так и не добыли балку.

Монахи же били по балке секретным железным ломом, который с предосторожностями прятали, он у них был единственным орудием для защиты, скажем, от диких зверей, для обкалывания льда в замерзающем ручье, для прорубания тропы в скалах.

Да и не больно охотились за этим ломом местные, его волоочь по горам мало было охотников, а продажа принесла бы гроши.

Так что каждое утро из монастыря по окрестным деревням разносился заунывный звон лома о балку, но никто в той местности был не дурак тащиться на молитву.

Кто же зовет врача здоровому, кто чинит неломаное, к чему хлопотать перед Богом, если всё в ажуре?

Отпевать — да, крестить, в праздничек возжечь свечу — это святое, а просто так бить лбом и махать рукой никто тут не собирался, за небольшим исключением в виде десятка глухих старух и парочки богомольных теток, которым, видно, нечего было делать. Еще таскались к монахам те,

ЗАВЕЩАНИЕ СТАРОГО МОНАХА

кто предавался горю, но горе вещь преходящая, глядишь — и оклемался человек.

В храме зато молились сами монахи, молились за все население, отмаливали чужие грехи.

Монастырь жил спокойно, дружно и в молчании, а настоятель монастыря, старик Трифон, больше всего печалился о том, что дни его приходят к концу и некому будет вести монахов дальше — остальные жители монастыря не желали быть главными, почитали себя недостойными, даже и осуждали всякую мысль о власти над другими.

Старый Трифон говорил с Богом все время, непрерывно, его никто не отвлекал от этого занятия, разве что в праздники.

Праздники местный народ обожал, все сбредались, даже тащили вино и закуски, и располагались табором по лесу, и монахи долго потом приводили местность в порядок.

Кроме того, свадьбы и похороны, а также крестины полагалось отмечать тоже у монахов.

Хотя таскаться в такую даль народ не обожал — уже давно и упорно поговаривали о том, чтобы заделать в центральном селе филиал, там ставить покойников, там крестить и венчать — а больше храм ни на что и не нужен.

Сварганить часовню, и дело с концом.

По несчастью, для этого нужно было бы потратиться, а тратиться, да еще коллективно, местный житель не любил, вокруг такого сбора денег всегда начиналось повальное воровство.

Так что иногда даже звали Трифона, и он шел, отпевал, хоронил, а затем обходил дома и собирал милостыню на монастырь.

Людишки подавали святому старцу неохотно, подозревая его в том, в чем подозревали сами себя: то есть в стремлении обогатиться за чужой счет.

Нельзя сказать, что народ на равнине бедствовал, дела шли неплохо, давно не было войн, пожаров, наводнений, засухи, всеобщего мора, скот плодился, огороды давали обильный урожай, и винные цистерны не пустовали.

Можно сказать, что благоденствие снизошло на этот край.

Хотя в том, что касается обычаев и порядков, тут не все было благополучно: к примеру, в данной местности не любили больных, просто не терпели их, считая дармоедами.

Особенно если больной был чужой, не свой — допустим, сосед или дальний родственник.

Своих как-то еще терпели, хотя и не слишком. Как кто заболел, тут же его и начинали обвинять, сам виноват. Лекарства дороговатеньки, врачу надо платить, так что лечили народными методами, отворяли кровь, а потом в баню, крепко попарить, а то и просто уводили в лес и оставляли там. Считалось, что если кто умрет в лесу, то прямиком попадет в рай.

Таких оставленных навещали монахи, кого было можно — переносили к себе, но что они могли дать умирающим — кипяток с сухой ягодой, ложку меда...

ЗАВЕЩАНИЕ СТАРОГО МОНАХА

Люди внизу, в селениях, этого не одобряли, крепкий и простой человечиска как будто не предвидел, что когда-нибудь и ему придется лечь в лесу на мох и ждать там смерти.

Старый монах бродил без усталости по дорогам, заходил в села, в городки, стоял на солнцепеке или на морозе, маленький и иссохший, и шептал молитву, и в его коробку скудно капала мелочь.

Кстати, нищих в тех краях просто не выносили и вместо подаяния донимали издевательскими вопросами и поучениями.

Но на все вопросы (действительно ли он монах, и крепко ли приклеена его борода, и не цыган ли он переодетый, и не понесет ли он чужой, заработанный кровью и потом пятак тут же в кабачок на пропитие) Трифон отвечал как-то изда-лека, молитвой, обиняками, шутками.

Его даже специально ходили слушать местные весельчаки, они довольно хохотали, услышав слова молитвы, как будто это был просто удачный способ увернуться и оправдаться.

Монах и спал там же, где просил, в ямке, как собачонка, не уходя с одного места по нескольку суток, — и уже к вечеру первого дня сердобольные бабы (в семье не без уроды) приносили ему в передниках, чтобы никто не видел, куски хлеба, огородные плоды, а то и чашку горячей каши.

Некоторые на ночь глядя укрывали его, спящего, мешковиной, особенно если шел дождь.

Некоторые оставались около него посидеть, пожаловаться на жизнь, помолиться.

Однажды такой поход вниз, в городок, завершился плачевно — Трифон почти не собрал денег, да еще и как-то ночью двое прохожих отобрали у него коробку с мелочью — притиснули к земле, зашарили грубыми руками за пазухой, а когда он сказал «Господь с вами», они просто стукнули его по голове, вытащили копилку и унесли.

Трифону жаль было коробку, ее много лет назад сделал перед смертью прежний настоятель монастыря, святой старец Антоний.

Лежа побитый на земле, он слышал, как воры за углом подрались, кому открывать ларчик, уронили его, мелочь рассыпалась, они стали светить зажигалкой, увидели свой ничтожный улов, обозлились и вернулись, чтобы вытрясти из старика его богатства. Они стащили с него рясу, стали ее ощупывать, ничего опять не обнаружили и тут начали бить старика ногами, всерьез.

Они оставили его в живых, но к утру, когда Трифон очнулся, он увидел, что ряса его порвана в клочья, а шкатулка растоптана.

Старик поднялся, собрал в горсть те мелкие монеты, которыми побрезговали бандюги, завязал их в клочок рясы, куском побольше подпоясался и в таком виде, окровавленный и грязный, потащился к реке омыть свои раны.

Там его узнали ранние прачки, они ужаснулись, отвели его к одной доброй старухе, и та стала его лечить, сшила ему новую ряску из мешковины и велела уходить из городка — защиты тут ему было не найти.

ЗАВЕЩАНИЕ СТАРОГО МОНАХА

Двое ночных разбойников были известны всему городу, они давно гуляли как хотели по улицам, грабя и убивая, и их никто не трогал, так как папаша одного из них работал судьей.

Судья выпер родного сыночка из дому за домашнее воровство, и тогда блудный пащенок решил опозорить отца и сесть в тюрьму — после чего судью бы тоже выгнали с его почетной должности.

Однако папаня не желал расставаться с хлебным местом, и потому было дано указание не обращать никакого внимания на баловство судьенка. Решили не поддаваться на провокации и не арестовывать такого фокусника.

Где нет судьи, там ходит смерть — и смерть поселилась в городке. Избитые умирали без суда и следствия, на улице или в знаменитом Райском лесу. Все боялись искать правды, никто не жаловался на разбой и грабежи, потому что самих жалобщиков как раз арестовывали и увозили из городка куда-то.

Монах много разного узнал, лежа на соломенном тюфяке в доме доброй старухи, ему даже рассказали, что рядом живет безутешная женщина, мужа которой убили, когда он поздним вечером нес ребенка к врачу в другой город. Сама мать лежала дома тоже в горячке. И, видимо, его встретила на дороге та страшная парочка, их звали Белый и Рыжий.

До утра кричал больной малыш у трупа отца, а затем их нашла мать, которая, не дождавшись

мужа с ребенком, кое-как встала и пошла по той же дороге, а именно в соседний город в больницу.

Теперь эта женщина, похоронив убитого мужа, осталась без кормильца, да и ребенок так и не поправился, и она теперь сидела нарочно у городского суда и просила милостыню на глазах у всех, а люди боялись подавать ей деньги.

Монах, как только начал подниматься, тут же пошел к зданию суда и отдал свой нищий узелок с монетами той женщине, и сказал при этом:

— Завтра утром трогайтесь в путь вдвоем по направлению к горному монастырю по той дороге, которая идет над рекой. У большого камня мы встретимся, я там буду лежать на спине, около молодой елки. Сначала со мной будут двое молодых ребят, Белый и Рыжий, и я буду лежать с ножом, когда придешь ты. Ты должна быть там около меня в течение тридцати дней. Через месяц твой ребенок поправится.

Молодая нищенка прижала к груди узелок с монетками и поцеловала край рясы монаха.

А он пошел бродить по городку и в конце концов нашел что искал — кабак на окраине.

Там сидели два молодых негодяя в крикливых ковбойских костюмах, блондин и рыжий, с золотыми цепями всюду где возможно, а вокруг них носились тени убитых — этого не видел никто, кроме монаха.

Тени убитых носились печально и тихо — маленькие тени детей, тени девушек в погребальных

ЗАВЕЩАНИЕ СТАРОГО МОНАХА

платьях, с веночками на голове, согбенные тени стариков, их было множество.

Не зная покоя, пролетали тени двух окровавленных мужчин — этих, видимо, еще не похоронили.

Воры были недовольны, лица их налились тоской и злобой: давно уже никто после захода солнца не выходил на улицу, а если и выходили, то с провожатыми, чуть ли не толпой, да с ружьями. Народ тут был не дурак.

Последний раз удалось убить только двоих — молодой мужик бежал с доктором к рожаящей жене, об этом потом шепталась вся округа — и ребенок, пришедший на свет утром, родился уже безотцовщиной.

Но беда заключалась в том, что ни врач, ни его провожатый не имели при себе денег, и сегодня двое шутников с большой дороги оказались без копейки.

Они сидели и пили, им принесли пока что полный графин вина.

Но они знали, что при свете солнца народ не допустит бесплатного ухода из кабака, поднимут крик, сбегутся толпой, чего доброго, побьют, снимут у них все золото с шей и пальцев.

И пока приползут стражи порядка, все будет уже кончено.

Напряжение росло.

Уже вокруг бармена сбилась кучка людей — огромный повар, грубый официант почему-то с топориком в руке и местный дурачок, щетини-

стый детина с маленькими глазками, большими кулаками и широкой улыбкой.

Тутошний народ не любил сына судьбы. Монах приблизился к двум мрачным посетителям и сел прямо перед ними, буквально за соседний столик.

Он заказал себе стакан вина и громко сказал официанту:

— У тебя будет сдача с золотой монеты? Я иду в монастырь, несу хорошую весть: один грешник завещал нам котелок с золотом!

Официант был не дурак и знал, что монахи все как один жулики, вроде они бедны, вроде они нищие — а живут! А на что, встает вопрос.

Официант криво улыбнулся и сказал:

— Сдачи пока что не будет. Посетители не платят.

— Подожду, спаси тебя Господь, — мирно ответил старик.

И за соседним столиком прекрасно расслышали весь разговор, четыре уха растопырились, десять пальцев сжались.

Когда монах встал, не тронувши своего стакана, и похромал к дверям, официант не пошел вслед за ним, потому что это сделали двое, только что бесплатно выпившие графин вина.

Они на ходу бросили официанту:

— Отдадим вдвое, но завтра.

Тот пожал плечами:

— Я пока не сошел с ума. Оставьте залог, тогда пойдете.